

Серия
АНГЛИЙСКИЙ
САД

«НАДЕЖДА СПАСЕНИЯ»
Флорида

«МСМ»
Санкт-Петербург
2016

ЛОРИ ВИК

К Н И Г А П Е Р В А Я

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

П Р О Л О Г

*Тинтон
Коллингборн, Англия
Апрель 1810*

Сидя в северной гостиной с письмами на коленях, Лидия Палмер еще раз перечитала письмо, которое держала в руках, и посмотрела на мужа. В противоположной стороне комнаты он был погружен в изучение дневных новостей, но словно почувствовав взгляд жены, оставил занятие.

— В чем дело, любимая? — спросил он любезно.

Фрэнк Палмер всегда был любезным.

— Умер мой кузен.

Мистер Палмер нахмурился.

— Мне очень жаль, но должен признаться, мне казалось, что у тебя больше не осталось кузенов.

— Гудвин Дженнингс. Он живет рядом с Бристолем. Точнее, жил. Мы не были близки, но все же он родственник.

— Я понял, о ком ты говоришь, — сказал он.

На улице тем временем занимался рассвет.

— Кстати, кто сообщил тебе об этом?

— Его поверенный, — ответила Лидия, возвращаясь к официальному письму.

— А у мистера Дженнингса есть дети?

— Да. Трое. — Лидия прикусила губу. — Интересно, что с ними теперь будет?

— Действительно, интересно. У тебя осталось мало родственников.

На мгновение мистер и миссис Палмер замолчали. Но их глаза встретились, и на лицах обоих было смятение.

— Нет, Фрэнк. Этого не может быть.

— Я не знаю, а кто еще, Лидди? Твой брат — единственный наследник по мужской линии из тех, кто остался в вашей семье.

— Но трое детей, Фрэнк? Ты же знаешь, как Уильям Дженнингс любит свою независимость.

Мистер Палмер пожал плечами.

— Я просто констатирую факт, Лидия. Если только ты не скрываешь кого-то из родственников, то по закону Дженнингс несет ответственность за детей Гудвина.

Лидия покачала головой.

— Это просто невероятно. Дженнингс с трудом переносит женщин. Вряд ли его могут интересовать дети.

— Ну, ему не обязательно их любить. Ему просто нужно их содержать.

В комнате снова воцарилась тишина, слышно было только, как тикают каминные часы.

— Ты напишешь ему? — спросил мистер Палмер.

— Дженнингсу? Не думаю. Он не ответил ни на одно из моих писем за последние семь лет.

— Но ведь ты пишешь ему не для того, чтобы он отвечал. Ты пишешь, чтобы он знал, что ты по-прежнему любишь его.

Лидия благосклонно приняла этот мягкий укор. И прежде чем в третий раз перечитать письмо, которое она по-прежнему держала в руках, она решила, что напишет своему брату до конца недели.

Г Л А В А П Е Р В А Я

*Айдон
Лондон, Англия
Май 1910*

— *У* где, вы говорите, оно было? — спрашивал мистер Коллинз, хмурясь на нового слугу, молодого человека, который весь вспотел от волнения.

— Оно лежало на полу в заднем коридоре, мистер Коллинз.

— Почтовый штемпель на письме был поставлен пять дней назад. Как оно могло пролежать в коридоре все это время?

— Я не знаю, сэр. Бетси только что дала его мне.

— А кто такая Бетси?

— Нас приняли на работу одновременно, сэр. Насколько мне известно, она работает на втором этаже.

Глаза мистера Коллинза сузились, в них была угроза.

— Мистер Дженнингс узнает об этом. Вас могут уволить.

— Да, сэр.

Потерянное, но покорное лицо стоявшего перед ним молодого человека немного смягчило сердце мистера Коллинза, и он продолжал уже более миролюбиво:

— Как вам известно, мистера Дженнингса не будет сегодня вечером дома. Возможно, он не получит этого письма до утра. Если мне удастся замолвить за вас словечко, я это сделаю, но, да будет вам известно, молодой человек, что подобное не должно повториться.

— Да, сэр. Благодарю вас, сэр.

— Вы можете идти.

Когда Джефффри ушел, мистер Коллинз, давно работавший у мистера Уильяма Дженнингса, остался стоять на месте, обдумывая дальнейший план действий. У него было несколько вариантов, и, помедлив мгновение, он решил остановиться на втором, после чего отправился на поиски Бейтса, слуги мистера Дженнингса. Поиски не заняли много времени. Он отыскал его там, где обычно обедали слуги. Бейтс сидел с чашкой чая и свежей корреспонденцией.

— Тут только что всплыло одно письмо, — сообщил ему мистер Коллинз, кладя письмо на стол.

— Но оно получено пять дней назад, — отозвался Бейтс, нахмурившись.

— Совершенно верно. Мне сообщить о нем сегодня вечером?

Бейтс поднял глаза на старого друга и сдержанно улыбнулся.

— Вы забываете, Коллинз, что когда он возвращается после ужина у леди Вендт, единственное, что требуется от нас, это — соблюдать тишину.

Улыбка мистера Коллинза напоминала улыбку его друга. Затем он ушел и положил письмо в надежное место на своем письменном столе, зная, что на следующее утро ему придется держать ответ перед хозяином.

— Дженнингс? — окликнул его Найтли, входя на веранду. — Что вы здесь делаете?

Мистер Уильям Дженнингс, тот самый, кого искал Найтли, оглянулся через плечо, ничуть не сожалея о том, что находится не в душной бальной зале леди Вендт, а дышит свежим воздухом.

— Там немного жарковато, — заметил Дженнингс кратко, когда Найтли встал рядом с ним у решетки.

— Да, и становится еще жарче. Вы видели сегодня Луизу Дент? Ее муж уезжает во Францию, и она забыла о всяких приличиях.

Дженнингс с отвращением покачал головой.

— Я много лет знаю то, что Денту еще предстоит узнать: большинство женщин не заслуживают доверия.

— Вот и я говорю, — горячо согласился Найтли, осушая принесенный с собой бокал.

— Найтли? — раздался за спинами мужчин женский голос, едва они погрузились в наслаждение тишиной. — Ты здесь?

— Да, Августа, я здесь.

Найтли повернулся.

— Вы пойдете обратно, Дженнингс?

— Думаю, что нет, — ответил мужчина.

Он устал, и ему хотелось отправиться домой.

— Увидимся позже, — сказал Найтли и двинулся навстречу жене.

Дженнингс ничего не ответил. Он нуждался в уединении и знал, что дом был единственным местом, где оно было ему гарантировано.

Экипаж доставил Дженнингса к его лондонскому особняку точно ко времени, но он едва ли обратил внимание на это обстоятельство. И хотя присутствующие лакеи и его слуга, Бейтс, не часто видели его в приподнятом состоянии духа, временами они все же были свидетелями немного более хорошего настроения. Но только не этим вечером. Казалось, что он находится где-то далеко и глубоко погружен в свои мысли.

По мнению Дженнингса, ужин у леди Вендт был ужасным. Там было полно женщин, у которых на уме не было ничего другого, как только заполучить богатого мужа или распространять сплетни о какой-нибудь даме, которой это уже удалось. Его соседкой за столом оказалась тщеславная блондинка, настолько занятая собой, что она не переставала говорить ни на минуту. От этой болтовни у него разыгралась мигрень.

Теперь, находясь в своей гардеробной и заявив, что он желает побыть один, Дженнингс медленно ослабил узел на галстукe, заверяя себя, что сегодняшней званый ужин был последним. Откровенно говоря, он не знал, зачем он вообще туда поехал.

Его настроение с каждой минутой становилось все более мрачным, и как только его горло ощутило некоторую свободу, он удалился в кабинет и сел у камина. Другого освещения в помещении не было, и он долго смотрел на пламя.

В детстве Дженнингс не испытывал недоверия к женщинам, но потом его добрая матушка умерла, а его сестра, женщина, которой он восхищался столько лет, существенно переменилась после того, как «нашла» Бога, чем утвердила Дженнингса в мысли о том, что женщинам не следует так уж сильно доверять.

Дженнингс ненавидел саму мысль об этой перемене. Она злила его. Для него было непостижимо, чтобы кто-то, обладавший хоть какими-то мозгами, мог уверовать в учение древней книги и говорить, будто оно меняет жизнь.

До своего обращения его сестра была блистательной женщиной. Она умела четко выражать свои мысли и была остроумной. Как же! Ведь именно это тринадцать лет назад привело Фрэнка Палмера к алтарю. Они были многообещающей парой. Но теперь Дженнингс не мог выносить общества ни того, ни другого. Что касается его самого, то его отношениям с ними пришел конец.

Согревшись у огня, Дженнингс почувствовал, что его одолевает усталость. Пламя убаюкивало его, и раздражение проходило. В подобные мгновения, когда он вспоминал сестру и ее семью, и только в том случае, если он был очень усталым, он спрашивал себя о правильности собственных решений. Может быть, ему следовало и самому подумать о семье. Может быть, ради сыновей, которые бы носили его имя, он бы и рискнул жениться. Но ему шел тридцать четвертый год, и, хотя по многим стандартам Дженнингс еще не был старым, он чувствовал, что семья едва ли сможет вписаться в привычный для него образ жизни.

Дженнингс боролся со сном. Подумав, что он может заснуть прямо в кресле, а также будучи человеком дисциплинированным, он заставил себя встать и дойти до кровати. Прохладное прикосновение простыней на какое-то время разбудило его, но многочисленные заботы прошедшего дня сделали свое дело. Он заснул еще до того, как часы пробили час ночи, и он не слышал их боя.

— Как он отнесся к тому, что письмо было потеряно? — поинтересовался Бейтс.

— Не могу сказать тебе. За завтраком он не пожелал просматривать почту.

Оба мужчины посмотрели друг на друга, после чего занялись своими делами.

Прислуга привыкла к упорядоченному и размеренному образу жизни хозяина, и поэтому это явилось для них сюрпризом. Дженнингс не был неразумным человеком, напротив, он любил заведенный им порядок. И поскольку он редко отступал от принятых правил, то подобная реакция оставила слуг в некотором замешательстве. Как бы там

ни было, они продолжали как можно лучше выполнять свои обязанности.

Бейтс неслышно вошел в комнату, чтобы прислуживать своему господину, но мысли мистера Дженнингса витали где-то далеко. Казалось, что он поглощает стоящий перед ним завтрак, даже не замечая его. По всему дому прислуга передвигалась как можно тише, чтобы не нарушать его покой, но слабые отзвуки этих движений все же достигали маленькой столовой, в которой он находился. Тем не менее он ни на что не реагировал.

Так продолжалось около часа, после чего Дженнингс потянулся за ежедневной газетой. Но не успел он погрузиться в чтение какой-то финансовой статьи, как в столовую вошел Бейтс, на этот раз с намерением прервать его занятие.

— Простите за беспокойство, сэр, но у нас возникла неожиданная ситуация.

Дженнингсу в этот момент больше всего хотелось уединения, но он все же отложил газету.

— Да, Бейтс, что случилось?

— К нашим дверям привезли каких-то детей, сэр. Кучер настаивает, что они должны были приехать именно сюда, к мистеру Уильяму Дженнингсу. — Бейтс сделал короткую паузу и продолжил: — И если вы позволите, сэр, я принес вам почту. Сверху лежит письмо, которое было передано мистеру Коллинзу только вчера. Несколько дней оно было затеряно.

Будучи столь же пылким, как и сестра, которой он восхищался, Дженнингс взял письмо и тут же вскрыл его. Новость о том, что кузен, о существовании которого он едва догадывался, умер, стала сама по себе большой неожиданностью. Но известие, что этот человек оставил ему троих детей, было поистине ошеломляющим. Дженнингс сидел неподвижно полные три минуты, после чего встал и повернулся к Бейтсу.

— Где сейчас находятся дети?

— В фойе, сэ. Кучер непоколебим.
Дженнингс снова обратился к письму.
— Трое детей?
— Да, сэ. Два мальчика и маленькая девочка.
— И их отец только что умер, — произнес Дженнингс рассеянно.

Бейтс молчал.

— Приготовь комнату, где они смогут переночевать сегодня.

Дженнингс направился к фойе. Ему не потребовалось много времени, чтобы разглядеть своих гостей. Трое детей стояли, сбившись в кучу, их лица были серьезными. Мальчики стояли бок о бок, а девочка пыталась спрятаться за спиной старшего брата. Увидев идущего к ним Дженнингса, старший мальчик мягко потянул сестру за руку, чтобы она встала рядом с ним.

Дженнингс направился к старшему мальчику.

— Меня зовут мистер Дженнингс, я кузен вашего отца, — сказал он, протягивая руку и здороваясь с мальчиком. — Я сожалею о вашей потере.

— Благодарю вас, сэ. Меня зовут Томас Дженнингс. Это мой брат Джеймс и моя сестра, Пенелопа. Мы зовем ее Пенни.

— Здравствуй, Джеймс, — поприветствовал его Дженнингс, пожимая и его руку.

Но когда он повернулся к девочке, она снова попыталась спрятаться за спиной брата.

— Могу я задать вам вопрос, сэ, — осмелился заговорить Томас.

Его лицо было бледным после пережитых потрясений прошедшей недели.

— Да, можешь, Томас.

— Вы ожидали нас, сэ? Это и есть то место, где мы должны жить?

И хотя этот подарок свалился, можно сказать, с небес, Уильям Дженнингс видел, что ему было даровано. Ответ на вопрос мальчика сорвался с губ Дженнингса еще до того, как он успел о чем-то подумать.

— Да, Томас. Вы будете жить здесь.

Мальчик, почти тринадцати лет от роду, почтительно наклонил голову. Его десятилетний брат и шестилетняя сестра ничего не сказали и даже не пошевелились.

— Как они? — спросил Дженнингс, прохаживаясь у подножия главной лестницы и ожидая, когда спустится мистер Коллинз.

— Устраиваются, сэр.

— Им что-нибудь нужно?

— Нет, сэр. Молодой мистер Томас заверил меня, что он обо всем позаботится и даст знать, если им что-нибудь будет нужно.

— Они спустятся вниз?

— Вряд ли они сделают это прямо сейчас, сэр. Я слышал, как мистер Томас говорил, что девочке нужно поспать.

— Напомни, как ее зовут?

— Пенни, сэр.

— Верно.

— Что-нибудь еще, сэр?

— Нет, Коллинз. Спасибо.

Мистер Коллинз сдерживался изо всех сил, чтобы не покачать головой. Он никогда не видел своего хозяина таким обеспокоенным и оживленным. Ему не терпелось узнать, что обо всем этом думает Бейтс.

Оставшись стоять у подножия лестницы, Дженнингс раздумывал о том, что ему делать дальше. Детям нужно время,

чтобы привыкнуть к новому окружению, — они пережили тяжелое испытание, — но в то же время он хотел поближе познакомиться с этими мальчиками. Много раз в жизни он жаждал именно этого — сыновей, с которыми он мог бы разделить свою жизнь, а теперь у него появилось сразу двое! Невероятно! Накануне вечером он мучился выбором, а теперь у него было двое сыновей без необходимости обзаводиться женой.

В мыслях он перебирал многие вещи, о которых ему хотелось рассказать им, а также показать мальчикам. Не зная, когда они будут готовы к тому, чтобы спуститься вниз, Дженнингс удалился в свой кабинет, чтобы подготовиться к общению с детьми.

— Все хорошо, — говорил Томас своей сестре, поглаживая ее по волосам и стараясь верить собственным словам. — Постарайся просто уснуть.

— Мне холодно, — всхлипывала она.

Томас подтянул одеяло повыше к ее лицу.

— Огонь горит ярко, ты скоро согреешься. Просто закрой глаза, Пенни.

Малышка повиновалась, но только после того, как прошептала:

— Я хочу к папе.

На это Томас ничего не сказал. Он тоже хотел к отцу. Со своего места на краю кровати Томас посмотрел на сидевшего возле огня Джеймса. Обычно любивший читать, Джеймс не прочел ни одного слова с тех пор, как умер отец. Вот и сейчас он смотрел на пламя каким-то отсутствующим взглядом.

Томас перевел взгляд на Пенни и понял, что она спит. Она проделала весь путь до Лондона с широко открытыми от ужаса

глазами, и он знал, что она была измождена. Неслышно перебравшись к камину и устроившись рядом с Джеймсом, Томас оглядел комнату, в которой они находились. Это была просторная комната с двумя широкими кроватями. Им будет очень удобно здесь, но что-то в его юном сердце подсказывало ему, что ему не следует радоваться раньше времени.

— Она заснула? — спросил Джеймс тихо.

— Да.

— Я проголодался, — признался Джеймс.

— Я тоже.

Джеймс посмотрел на брата.

— Хочешь, я попрошу чего-нибудь?

— Я думаю, что могу подождать, пока проснется Пенни.

Джеймс выглядел удивленным.

— Она может проспать много часов.

Томас кивнул, зная, насколько это было справедливо. Он видел, что у них не было большого выбора.

— Я пойду, но, возможно, нам придется обедать по очереди, чтобы один из нас все время был с Пенни.

— Хорошо. Иди первым.

— Ладно, посмотрим, — сказал Томас и сделал шаг к двери.

Дженнингс старался изо всех сил найти себе какое-нибудь занятие в кабинете, но внезапная потребность двигаться побудила его выйти на просторную лестничную площадку. Именно поэтому он увидел Томаса почти в тот самый момент, когда паренек оказался на лестнице.

— Все в порядке, Томас? — спросил Дженнингс, как только тот спустился.

— У нас очень хорошая комната. Благодарю вас, сэр.

— Тебе что-нибудь нужно?

— Мы с братом немного проголодались.

— Разумеется, — тут же сказал Дженнингс. — Как ты смотришь на то, чтобы сходить за Джеймсом, и тогда вы оба могли бы составить мне компанию за чаем.

— Вообще-то, сэр, я думаю, что одному из нас нужно посидеть с Пенни, поэтому было бы лучше, если бы мы могли поесть по очереди.

— Хорошо, — согласился Дженнингс с невозмутимым выражением лица. Обдумывая свои планы относительно мальчиков, он снова забыл об их сестре. — В таком случае я прикажу, чтобы вам что-нибудь принесли, хорошо?

Томас помолчал немного, но все же сказал то, что было у него на уме.

— Не считайте меня неблагодарным, сэр, но мне бы не хотелось беспокоить Пенни.

Тут Дженнингс в первый раз по-настоящему посмотрел на мальчика. Его глаза были красными, а веки — опухшими от долгого недосыпания. Все лицо, включая губы, было бледным, и он выглядел так, как если бы на его плечах лежало бремя всего мира. Дженнингс почувствовал глубокое сострадание, какого он не испытывал многие годы.

— Ну, конечно же, ты не хочешь, чтобы ее беспокоили, Томас. Идем со мной, ты съешь что-нибудь, а потом Джеймс тоже сможет прийти и поесть.

Почувствовав большое облегчение от того, что его поняли, Томас благодарно пошел вперед. Он планировал быстро перекусить, чтобы Джеймсу не пришлось слишком долго сидеть голодным.

Но он не стал бы так торопиться, если бы знал, что весь остаток дня ему придется просидеть в той же комнате, глядя на спящую Пенни.

На следующее утро Томас Дженнингс проснулся не сразу. Он ощутил рядом с собой теплое тело Джеймса и понял, что крепко проспал всю ночь. Слегка повернув затекшую голову, он приподнялся на кровати и посмотрел туда, где спала сестра.

Пенелопа Дженнингс, чье лицо обрамляла темная копна волос, сидела, глядя на него.

— Ты проснулся, Томас?

— Проснулся.

— У них есть еда в этом доме, Томас? — спросила она.

— Иди сюда, — сказал он, махнув ей рукой.

Не слишком крупная шестилетняя девочка соскользнула со своей кровати и забралась на кровать братьев. Томас подогнул ноги, и Пенни села напротив от него.

— Ты проспала всю ночь, — сказал Томас и наклонился, чтобы откинуть волосы с ее лица.

— Мы сегодня поедem домой?

— Нет, Пенни, мы остаемся здесь.

— Они дадут нам еды?

— Да. Ты проголодалась?

Пенни кивнула, и Томас посмотрел на ее лицо. Если портреты говорили правду, то она была точной копией матери, когда та была ребенком. Их мать умерла при родах.

— Папа счастлив с Иисусом, или он скучает по нам, Томас? — вдруг спросила Пенни.

Хотя старший Дженнингс и отдохнул, он все же почувствовал, как к горлу подкатывает ком.

— Он счастлив с Господом Иисусом, Пенни, и он полагается на Господа Иисуса в том, что Он позаботится о нас, но я думаю, что если бы у папы был выбор, то он бы остался с нами и заботился бы о нас.

В этот момент и Джеймс повернулся лицом к брату и сестре.

— Я тоже об этом думал. Я думаю, что если бы папа знал, что умрет, то он рассказал бы нам об Уильяме Дженнингсе, и это не стало бы для нас таким сюрпризом.

— А он знал Уильяма Дженнингса? — спросила Пенни.

— Он знал о его существовании, — ответил Томас. — Я уверен в этом, но я не думаю, что они много общались.

Шум в коридоре вселил в детей надежду. Было трудно сказать, было ли сейчас слишком рано для завтрака, и единственный способ узнать об этом состоял в том, чтобы одеться и выйти из комнаты. Все шло благополучно до тех пор, пока дело не дошло до волос Пенни. Ее волосами занималась миссис Мурч, пока они не покинули Морхаус, свой родной дом, и теперь Томас впервые оказался один на один с этой непростой задачей. Он быстро понял, что у длинных локонов свой характер, — они вились и были такими густыми, что справиться с ними было почти невозможно. В конце концов Томас расчесал волосы Пенни и оставил их спадать по плечам и спине малышки. Дома она никогда не носила волосы распущенными, но с каждой минутой их голод усиливался, и на время волосы можно было оставить так, как есть.

Но какой бы голодной ни была Пенни, выйти из комнаты было нелегко. Дом был большим и незнакомым, и ей не хотелось снова встречаться с Уильямом Дженнингсом. Он был совершенно не похож на ее улыбчивого папу, и она немного побаивалась его. Тем не менее ее желудок был пуст. Она все время поглядывала на своих братьев, которые, казалось, знают, куда идти, и вздрогнула, когда они вдруг с кем-то заговорили.

— Доброе утро, мистер Коллинз, — начал Томас. — Мы пришли слишком рано для завтрака?

— Ничего подобного, мистер Томас. Пожалуйста, проходите сюда.

— Благодарю вас.

Пенни завершала шествие из четырех человек, разглядывая скульптуру и живописные полотна, висевшие намного выше ее головы.

— Ну, вот мы и пришли, — сообщил мистер Коллинз, как только они оказались в помещении с огромным столом.

Томас проводил Пенни к стулу. Джеймс сел рядом с ней, а Томас — по другую сторону стола.

— Завтрак будет подан немедленно, — сказал мистер Коллинз и ушел.

Пенни дождалась, когда он вышел, и тут же поправила платье. Она неловко села на него, и горловина сдавила ей шею. Поставив на стол маленькую стеклянную статуэтку, она ерзала до тех пор, пока ей не стало удобно.

— О, Пенни, неужели ты принесла с собой мистера Пэта? — пожурил ее Джеймс огорченным голосом.

Малышка расстроилась и спрятала статуэтку в руке.

— А мистер Дженнингс рассердится?

— Нет, но игрушкам не место на столе. Тебе следовало оставить его в комнате.

— Положи его в карман, — предложил Томас, которому не хотелось, чтобы Джеймс и Пенни спорили.

Пенни так и сделала, ее серьезные глаза были широко распахнуты. Джеймс посмотрел на нее и почувствовал себя виноватым.

— Все хорошо, Пенни. Я просто не хочу, чтобы мы сделали что-то такое, за что нас могут выгнать отсюда. Я не знаю, куда мы тогда пойдем.

— А нас могут выгнать, Томас? — спросила Пенни.

— Нет, Пенни. Я так не думаю, но папа бы хотел, чтобы мы вели себя как можно лучше.

Пенни кивнула. Она чувствовала себя очень маленькой и потерянной.

Однако облегчение не заставило себя долго ждать. Не зная о том, что дети уже встали, Дженнингс не вышел к завтраку, но блюда с едой прибывали, и в скором времени о голоде было забыто.

Кухарке сообщили о том, что трое детей ели с аппетитом, и это ее весьма обрадовало. Она принялась печь печенье — четыре разных вида, — планируя передать детям, что они могут наведываться к ней в кухню за печеньем в любое время.

— Я думаю, вот эта дверь, — сказал Томас некоторое время спустя, ведя брата и сестру в дальний конец дома, а затем на улицу.

Как только дверь за ними затворилась, они замерли, разглядывая окруженный высокой стеной сад, довольно большой и сплошь засаженный цветами. Это было совсем не похоже на холмистую местность их родного дома, но свежий воздух был приятным, а цветы в саду Уильяма Дженнингса — очень красивыми.

— Не сворачивай с тропинки, — велел Томас, когда Пенни двинулась вперед.

Малышка повиновалась, и когда она подошла к каменной скамье, то села и заметила, что скамья пришлась ей как раз по росту. Томас и Джеймс пошли посмотреть на садовую решетку, и как раз за этим занятием их и застал Дженнингс.

— Доброе утро, Томас. Доброе утро, Джеймс. Как вам спалось?

— Очень хорошо, сэр. Благодарим вас.

— А как прошел завтрак? Вы наелись?

— Вполне, сэр. Позвольте нам узнать время приемов пищи, мистер Дженнингс. Мы слишком рано вышли к завтраку?

— Ничего подобного. Скажите мне, когда вы захотите обедать, и я велю, чтобы мистер Коллинз передал это прислуге. — Помня о том, что он собирался дать мальчикам время освоиться, он тактично заметил: — Я часто отсутствую по вечерам, но, возможно, мы могли бы завтракать или обедать вместе.

— Благодарю вас, сэр. Мы были бы очень рады.

— Это — солнечные часы? — спросил Джеймс, которого отвлекло приспособление, установленное высоко на каменной стене.

Он никогда не видел солнечных часов, которые были бы расположены на возвышении на земле.

— Да. Я нашел их на аукционе несколько лет тому назад и подумал, что у меня есть для них подходящее место. А как тебе кажется, Джеймс?

— Я думаю, что это — идеальное место. Я читал о таких часах, но никогда их не видел. У нашего отца были солнечные часы во дворе, но основание сломалось, и они немного сместились. После этого они перестали показывать правильное время.

— Я купил эту решетку примерно в то же время, — добавил Дженнингс, подходя к решетке и кладя на нее руку. — Вы обратили на нее внимание?

— Да. Она выглядит тяжелой.

— Она очень тяжелая. Она оказалась такой большой, что ее не смогли пронести через дом, и рабочим пришлось нелегко, когда они поднимали ее через стену.

— А в этой стене есть дверь? — спросил Томас.

Ему не верилось, что все происходящее с ними было столь же нормально, как это, должно быть, казалось со стороны.

— Дверь есть, но она слишком маленькая.

Хозяин продолжал рассказывать о разных предметах в саду, но Пенни не подходила к ним. Когда она услышала, что дверь отворилась, она стремглав соскочила со скамьи

и спряталась за кустом. Из своего укрытия она хорошо видела братьев, но в данный момент они не смотрели в ее сторону. Пенни прислушивалась к их разговору и немного расслабилась, когда поняла, что хозяин пришел не для того, чтобы выгнать их из дома. И хотя она слышала тихий спокойный голос мистера Дженнингса, и он не казался ей таким страшным, как накануне, она надеялась, что ее братья вспомнят о ней прежде, чем пойдут обратно в дом.

